

© ЭО, 2004 г., № 3

М. С.-Г. Албогачиева

“ПЕЧАЛЬНИК ИНГУШСКОГО НАРОДА” ФОМА ИВАНОВИЧ ГОРЕПЕКИН

В истории кавказоведения есть немало ярких и выдающихся личностей, с именами которых знаком каждый исследователь, однако есть и такие, которые в меру своих сил и возможностей много и честно потрудились на ниве родного краеведения, внесли определенный вклад в этнографическое изучение своего региона, но в силу ряда обстоятельств не известны даже в кругах специалистов. Один из таких – Фома Иванович Горепекин.

Ф.И. Горепекин родился 7 июня 1874 г. в ст-це Эссентукской Терской обл., в семье станичного учителя. В 1891 г. Фома Иванович закончил четырехклассное городское Николаевское училище в г. Владикавказе. Так как высших учебных заведений в Терской обл. не было, он в 1893 г. поступил в Тифлисский учительский институт. Вступительные экзамены он выдержал успешно, однако учиться ему там не пришлось: в казенной стипендии ему отказали.

Отсутствие средств вынудило Ф.И. Горепекина вернуться домой и поступить во Владикавказскую классическую гимназию, но бедность родителей не позволила продолжить учебу и там. Стремление получить хорошее образование и вместе с тем большая любовь к природе Кавказа определили во многом поиски его будущей специальности. В 1894 г. во Владикавказе открылось лесное училище. Он в числе первых был зачислен в него и через два с половиной года окончил. Тогда ему было 22 года.

Будучи молодым специалистом, Фома Иванович активно включился в общественную жизнь и с открытием в 1896 г. во Владикавказе воскресной школы грамотности начал обучать в ней детей и взрослых. Несколько позднее при его личном участии была образована общественная библиотека в городе Владикавказе. Он также безвозмездно привел в порядок библиотеку Областного статистического комитета и музея (всего 27 тысяч томов).

Фома Иванович работал на различных должностях лесной службы в Терской обл., начав с должности помощника лесничего, дослужившись до ревизора лесов Горской республики. Его служебное положение позволяло ему проводить разнообразные научные исследования в области сельского хозяйства, ботаники, зоологии, этнографии, археологии, он вел большую краеведческую и исследовательскую работу. Разносторонняя научная деятельность Фомы Ивановича была замечена в лесном департаменте, и по личной просьбе уполномоченного Министерства земледелия на Кавказе ботаника Я.С. Медведева на него была возложена обязанность по сбору пескоукрепляющих растений на Арарате, а также сбор древесных семян редких растений. Изучив литературу по Кавказу, он начал свою краеведческую и научную деятельность: в 1901 г. открыл сталактитовую пещеру под Владикавказом, провел ботанические исследования от Кизлярских песков до ледниковой области гор Главного Кавказского хребта и от р. Сулака до Эльбруса, выявив 154 вида дикорастущих и кустарниковых пород. В период с 1910 по 1914 г. с горных высот, достигавших 14 тысяч футов, перенес на себе около 1500 живых растений разных видов в Тифлисский ботанический сад с тем, чтобы образовать там отдел кавказских высокогор-

ных растений. Во Владикавказе он в течение 12 лет заведовал казенным плодовым питомником и читал лекции по садоводству и огородничеству.

Ф.И. Горепекин в течение четырех лет был членом-корреспондентом Юрьевского и Тифлисского ботанических садов, был членом Владикавказского туристического общества, для которого составил в 1912 г. первый “Путеводитель по горам Терской области”.

18 лет Фома Иванович состоял действительным и почетным членом Терского областного статистического комитета, который был единственным учреждением, проводившим научно-исследовательскую работу в крае, в том числе и по этнографии. По поручению комитета он составил план города Владикавказа, который был издан картографическим отделом, оригинал находился в Терском областном музее. Учитывая его опыт и знания в данной области, статистический комитет поручил Горепекину составить карты расположения могильных курганов и других древних объектов.

Своими разнообразными экспонатами, накопленными в ходе исследования области, Ф.И. Горепекин вместе с секретарем статистического комитета Г.В. Вертеповым положил начало созданию Терского областного музея в городе Владикавказе и лично участвовал в сборе пожертвований на его постройку.

В 1921 г. при музее образовался Северо-Кавказский институт краеведения, многие экспонаты и коллекции по этнографии ингушского и осетинского народа были собраны лично Фомой Ивановичем. Для пополнения музейных коллекций и археологических данных о древностях Терской области Горепекину было предоставлено право на самостоятельные раскопки.

В результате археологических исследований Горепекин обнаружил фундамент церкви и каменный крест IV в. близ селения Заманкул, также каменные гробы-ящики; близ станции Курской им найдено золотое изображение головы лошади с рыбьим телом, близ Нальчика – черепа и прочее. Но самым главным своим открытием Фома Иванович считал обнаружение в могилах Магатэ, близ селения Салги, а затем и в других местах знаков, которые он интерпретировал как элементы древней письменности ингушского и чеченского народа. По этому поводу Горепекин писал: “Факт открытия знаков древнего письма у ингушей есть сенсация в науке – как 3-й случай открытия на Кавказе, т.е. через 2225 лет после первой находки, во время правления царя Грузии – Фаронаваза, и через 1500 лет после второй находки Месропом, просветителем Армян”¹. По мнению Ф.И. Горепекина, результаты исследований этого вопроса должны были составить особый раздел этнографических материалов. К сожалению, научная интерпретация этого материала отсутствует до сих пор.

Такие личности, как Фома Иванович Горепекин, всем интересующиеся, увлекающиеся широкими обобщениями и глобальными построениями, с той или иной степенью фантазии, нередко встречаются в краеведении и в науке в целом.

Исследовав различные курганы и могильники в пределах Терской области, Фома Иванович все найденные экспонаты передал в Терский музей. Особенно ценными представлялись ему предметы, связанные с культом языческого бога Мага-Ерды, в частности железная цепь, древко от знамени, кубки, черный камень и т.д. Культ этого божества был широко распространен у ингушей в недавнем прошлом, в домусульманский период. Фоме Ивановичу посчастливилось встретиться с бывшим жрецом, в свое время совершавшим культовые действия при жертвоприношении в честь Мага-Ерды. На основании музейных материалов и рассказов очевидца он написал статью “Мага-Ерды”, которая в виде брошюры первоначально была выпущена тиражом в три тысячи экземпляров и впоследствии опубликована в газете “Терские ведомости” в 1909 г. Оба этих издания в настоящее время являются библиографической редкостью, а потому практически недоступны не только широкому читателю, но даже и специалистам, в первую очередь этнографам и религиоведам.

За годы исследовательской работы у ученого накопился огромный рукописный архив. В августе 1918 г. многие документы были переданы для обозрения и доклада

на Съезде депутатов от всех горских народов Северного Кавказа комиссару и председателю только что образованной Терской республики Ю. Пашковскому и комиссару народного просвещения Я. Маркусу. Заслушав представленные документы, депутаты удостоили Ф.И. Горепекина почетным званием “Нахаа-сидар”, т.е. “просветитель ингушей”. После съезда документы были оставлены в кадетском корпусе, где проходили заседания. В ночь после заседания начались волнения, которые продолжались в течение 13 дней, и рукописные документы, переходившие из рук в руки, были найдены автором лишь в 1920 г. Именно из этих материалов оригинал первого ингушского букваря попал в руки профессора Н.Ф. Яковлева, который впоследствии в своих работах опирался на материал Ф.И. Горепекина как на источник в своих исследованиях².

Большое внимание Фома Иванович уделял разработке грамматики ингушского языка, им были составлены первый букварь и первый алфавит, сделан прямой и обратный словарь с объяснением 5000 тыс. слов, а в 1922 г. власти Горской республики за проделанную работу выдали Ф.И. Горепекину премию в размере 1500 руб. золотом³. О своей работе Фома Иванович Горепекин отзывался так: “20 лет назад, исполнив общее описание Терской области, поставил я своей жизненной задачей выяснить истину происхождения ингушей и чеченцев, тем более, что о них за предыдущие годы накопилось много лично мной собранного материала, а этнографическая сторона народов области до этого времени не достаточно освещалась. Для исполнения этой цели я подготовил себя самостоятельно, получив специальные знания из необходимых отделов науки, т[ак] к[ак] таковые целиком нельзя получить ни в каком университете, путем многолетних исследований, по собственному методу и программе, путем критики сравнительного рассмотрения вопросов в восьми этнографических областях – языкознание, религия, фольклор, общая культура, археология, география, история, личное открытие древне мировой письменности и на основании собранных материалов об ингушско-чеченском народе и народах всего Кавказа. Создал самостоятельно новые работы в количестве 11 томов и много статей по этим областям”⁴. Нельзя не обратить внимания на тот факт, что Ф.И. Горепекин рассматривал этнографию как комплексную науку, включающую в себя и некоторые другие науки.

Изучению ингушского народа посвящены многие рукописные труды, оставшиеся в рукописном варианте. Для удобства они сгруппированы мною по темам. Этнография: альбом рукоделий ингушских женщин; о развитии сыроварения и ткацкого промысла в ингушской стороне; тавро и знаки у ингушей; объяснение ингушских топографических названий на территории Закавказья, Северного Кавказа, в Тибете, Англии и Скандинавии; домашняя жизнь, семейный уклад, вооружение и т[ому] п[одобное] у ингушского народа с древнейших времен; причины развития разбойничьих шаек у ингушей, способы грабежа и сокрытия следов; этнологическая карта древних народов на Кавказе; альбом типов, видов, древностей и т.п. ингушского района; о древней религии ингушей список древнейших языческих божеств и значение их в жизни ингушей; Мага-тэ или Мага-ерды – языческий бог – покровитель у ингушей; участие священной лошади в религии ингушей и выражение этого божества в амулете на стекле из погребения в Мага-тэ; лошадь, барашек и фигурки человека в могильных находках на Кавказе; древнейший ингушский языческий календарь; о происхождении ингушского народа; исторические исследования об ингушах на основании работ древних историков и географов, археологических, лингвистических и др. исследований; страна Амазония (по Геродоту) на Кавказе – страна ингушей; древнейшие народы Северного Кавказа и ингуши; асы и осы (осетины и ингуши) на Северном Кавказе; карта путей передвижений древних народов из Азии в Европу.

На фольклорные сюжеты: народный эпос ингушей; нарты ингушей, кабардинцев и осетин; предание ингушского народа о своем происхождении.

Лингвистические работы: азбука (алфавит) для графического изображения ингушской народной речи; энциклопедически разработанный русско-ингушский и ин-

гушко-русский словарь; грамматика ингушского языка; сравнение корней и значений слов англичан, древних поселенцев Армении (прото-армян), узбеков Туркестана, китайцев с языком ингушей и др. Весьма важна в этом ряду первая родная азбука (букварь) современных ингушей, а также открытие существования в отдаленное время у предков ингушей индийской письменности Магадги⁵.

Археологические интересы ученого позволили создать следующие работы: разгадка Кобанских могильников; о сохранении археологических памятников в ингушской стороне от ограбления и самовольных раскопок ввиду ценности их для науки и др.

Увлечения ученого в области ботаники позволили написать: о сборе лекарственных и промышленных трав, листьев и цветов в ингушской стороне; древнейшие виды растительности в ингушской стране.

Подводя итоги своих трудов, Ф. И. Горепекин писал: «По своим первоисточникам материалов и фактов охватил первоосновы этнографических сторон, а на сем основании результаты не есть гипотеза, не есть попытка заглянуть в неизвестный вопрос, а есть совершившийся факт, почему и дан всем работам общий заголовок: “От проблем к фактам”. Грубые и несбыточные выводы и блуждания в понятиях о народах Кавказа и о народах Азии и Европы до сего времени произошли именно от незнания основ и законов Кавказской этнографии. В разрешении этих вопросов до сего времени главным образом опирались на лингвистику, но плохо усматривали те положения, что она одна, без знания других основ этнографии, также не может дать истины»⁶.

Не имея возможность публиковать свои работы в России, автор стал пересылать свои труды в Лондонскую Королевскую Академию наук в надежде, что к ним будет проявлен интерес там. Его надежды оправдались, с его трудами ознакомился представитель Лондонской Королевской Академии сэра Ричмонд, который по этому поводу написал:

«Народ этот – ингуши стал для честного труженика, человека русского, его родственным. Стал он родственным не по плоти, а по тем заботам о бытии этой темной народной большой семьи, которая ущемила крепкими клещами мозг скромного кропотливого труженика и которая не дает покоя ему ни днем, ни ночью уже в продолжение не менее 15 лет, в то время как народ ингушский, погорячившись на вечерних сходках, уходил мирно спать, то он не знает того, что существует у них безызвестный печальник об их существовании, который зажигает в это время огонь в своем сердце и в своей лампе и с карандашом в руках пишет... Близко зная его неутомимую деятельность и исполненный им труд, я довожу до сведения Академии: труженик теряет уже физические силы в борьбе за свое существование, вследствие общего расстройства организма, постоянной 24 часовой работы. Его попытки обращения за помощью к правящей власти в крае не нашли сочувствия, автор все же продолжал работать не покладая рук, и работа его носит академический характер.

Эти обстоятельства побуждают автора пересылать свои труды в Лондонскую Королевскую Академию, а не печатать их на родине. Труды автора занимают до 6-ти тысяч писанных страниц и отчасти требуют специального ингушского печатного шрифта»⁷.

В 1929–1930 годах Ф.И. Горепекин, в связи с ухудшением состояния здоровья и находясь в стесненных материальных условиях, обратился к директору Музея археологии и этнографии в Ленинграде академику Е.Ф. Карскому с просьбой опубликовать его работы. В своем письме в 1929 г. он, в частности, писал:

«Я, как автор оглашаемых трудов, выражаю надежду, что центральные правительственные органы СССР, окажут полное содействие к осуществлению издания представленных работ, также найдется всесторонняя поддержка развития интереса у научных работников СССР к продолжению всесторонних этнографических и археологических работ на Кавказе, равно также, чтобы я лично, до конца своей жизни, при обеспечении правительства, перестал быть голодным и нашел бы возможность жить и работать дальше на пользу науке, на культурное благо ингушского народа, т[о] е[сть] того народа, кому были отданы мои лучшие силы, мысли, здоровье и радости жизни, и кого я, с момента оглашения сего, выдвигаю в глазах всего мира из ничтожества и бесславия на сцену мировой известности и славы, как осколка общих предков народов белой расы.

Такое положение результатов моих научных достижений наиболее заставило меня поднять крик на весь Союз ССР, чтобы труды мои не ушли со мною в голодную могилу, а были бы достоянием мыслящего потомства всех и, в частности, ингушского народа. В осуществлении этой идеи была цель моей жизни,

она при жуткой и необычайной обстановке и мучениях голода давала мне энергию для борьбы за жизнь и за науку.

Этнограф, археолог, краевед Кавказа,
исследователь ингушко-чеченского
народа, просветитель этого народа
“Нахаа сидар” Ф.И. Горепекин.»⁸

Цитируемое письмо из МАЭ препроводили директору Яфетического института академику Н.Я. Марру, который, в свою очередь, наложил на рукопись следующую резолюцию:

«Ф.И. Горепекин не имеет и не может иметь ничего общего ни с Н.Я. Марром, ни с руководимым им Яфетическим институтом, для этого достаточно взглянуть хотя бы на текст рукописи – страницы 1–7, где говорится об “отпадении необходимости в теории Марра. Теория эта потерпела свое крушение еще 10 лет тому назад, когда выяснилась сумма результатов исследований на Кавказе”. Потому-то, надо думать, и неправильно, по недоразумению нам пересланная записка в МАЭ, ныне возвращается.

Если же спрашиваете все-таки мнение Яфетического института, то тут не может быть двух мнений: Яфетический институт не считает записку подлежащей его компетенции. По личному же мнению Н.Я. Марра, записка – бред сумасшедшего.

Директор Яфетического института академик Н.Я. Марр»⁹.

В тот исторический период еще сильна была теория Марра, и надо было иметь определенную смелость, чтобы заявить о ее несостоятельности. Возможно, жизнь Ф.И. Горепекина сложилась бы иначе, если бы не резолюция Н.Я. Марра, который росчерком пера решил судьбу энтузиаста кавказоведения: он умер в полном забвении, дата его кончины неизвестна.

К сожалению, труды Фомы Ивановича Горепекина до сих пор используются в работах исследователей реже, чем они того заслуживают, в то время как они вполне смогли бы пролить свет на некоторые стороны этнографии Кавказа, в частности на этнографию еще мало изученного ингушского народа.

В кавказоведческой литературе ссылки на его работы можно встретить и в наши дни¹⁰. Хочется надеяться, что знакомство с малоизвестной работой Ф.И. Горепекина “Мага-Ерды” привлечет внимание более широкого круга исследователей к его трудам.

Примечания

¹ Санкт-Петербургский Филиал Архива РАН (далее – ПФА РАН). Ф. 142. Оп. 2. Д. 27. Л. 35 об.

² Подтверждением тому являются материалы известного кавказоведа Н.Ф. Яковлева, который неоднократно ссылался на работы Ф.И. Горепекина (ПФА. Ф. 800. Оп. 6. Д. 574).

³ Там же. Ф. 142. Оп. 2. Д. 27. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 36.

⁵ Там же. Ф. 800. Оп. 6. Д. 154. Л. 11 об. 2.

⁶ Там же. Ф. 142. Оп. 2. Д. 27. Л. 25, 26.

⁷ Там же. Ф. 800. Оп. 6. Д. 154. Л. 6, 6 об.

⁸ Там же. Ф. 142. Оп. 2. Д. 27. Л. 17 об.

⁹ Там же. Ф. 142. Оп. 2. Д. 27. Л. 30.

¹⁰ Карпов Ю.Ю. Джигит и волк: Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996. С. 262–263. *Он же*. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001. С. 387; Яндиева М.Д. Ингушетия и ингуши. Назрань; Москва, 1999. С. 242–254.